В.Э.Бойков,
доктор философских наук, профессор

ЦЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Массовое сознание в российском обществе в течение последних 15 лет существенно изменилось. Социологические опросы показывают, что оно в основном освободилось от прежней идеологической табуированности, стало менее политизированным и вполне толерантным в оценках частного предпринимательства. Наряду с этими изменениями общественной психики следует обратить внимание на то, что в последние годы в ней прочно укоренилось чувство тревоги, в том числе ощущение угрозы будущего. Психологический стресс обусловлен многими обстоятельствами. Это и реальные трудности элементарного выживания, нередкие террористические акты и техногенные катастрофы, конфликты на этнической, религиозной и социально-бытовой почве, разгул преступности, наконец, субъективный дискомфорт, обусловленный неопределенностью грядущего социально-экономического и политического устройства страны. Не случайно, если в период с 1990 по 1997 г. желание эмигрировать из России в другую более благополучную и стабильную страну выражали 10 – 12% опрашиваемого населения, то в течение последних пяти лет – около 20%[1].

Состояние массовой фрустрации иллюстрируется также такими данными выборочных социологических опросов различных категорий населения.

– 73,2% респондентов в той или мной степени боятся, что их будущее может оказаться далеко не безоблачным;

– 74,6% опасаются потерять все нажитое и еще 10,4% заявили, что им уже нечего терять;

– 81,7% не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на год;

[1] В статье использованы результаты опросов российского населения, регулярно осуществляемых на более 10 лет Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Опросы проводятся по сопоставимой методике и многоступенчатой квотной выборке объемом от 2000 до 2400 человек, репрезентирующей территориальное размещение россиян, соотношение жителей крупных, средних и малых городов, сел и поселков, основные социально-демографические группы в возрасте 18 лет и старше.

– 67,4% считают, что они не застрахованы от экономических кризисов, которые опускают их в пучину бедности, и 48,3% чувствуют полную беззащитность перед преступностью;

– 46% полагают, что, если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа.

Заметим, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителями всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее.

Исследования показывают, что немалая доля населения (по разным данным 60 – 70%) пытается преодолеть трудности жизни, и порой небезуспешно. Но примерно пятая часть опрашиваемых свыклась с невзгодами, не находит возможностей противостоять им.

Одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их социальная мимикрия, то есть коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения и т. д. в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. Нередко это приспособление выражается в амбивалентности моральных воззрений – несогласованности между исповедуемыми идеями и принципами нравственности, с одной стороны, и реальным уровнем моральных требований к себе и окружающим – с другой. Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалия, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе и т. д.

Например, две трети опрашиваемого населения не видит ничего зазорного в уклонении от уплаты налогов, более того, 36,7% респондентов убеждены, что такого рода обман государства морально оправдан. При явно негативном отношении абсолютного большинства населения к сложившейся системе взяточничества свыше половины опрошенных предпочитают откупаться от чиновников для разрешения возникающих проблем с властью. Накануне выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в декабре 2003 г. 46,1% опрошенных избирателей не верили в честность проведения выборной кампании, а 81,7% не вполне или совсем не верили в честность подсчета ее результатов. При этом возможность ущемления права на политическое волеизъявление избирателей воспринимается как норма. Отмеченные и другие деформации индивидуальной и общественной морали, равно как и разгул преступности, стали постоянными спутниками нашей повседневной жизни.

Однако наряду с синдромом привыкания к ним, рост аморальности и правового нигилизма вызывает у большинства населения все возрастающее беспокойство. В этом процессе люди резонно усмат-

ривают подрыв общечеловеческих принципов моральных взаимоотношений, который создает угрозу как их личному существованию, так и жизнеспособности социума в целом. Соответственно, среди наиболее важных для преодоления кризиса российского общества положений, наряду с другими действиями важность укрепления морали в опросе 1998 г. отметили 78,7% респондентов, в опросе 1999 г. – 83,8%, а в 2002 г. – 90,4%.

Эта устойчивая установка массового сознания связана с другой не менее стабильной установкой – **на наведение в нашей стране порядка в целом**. Связь между ними отчетливо демонстрирует как корреляционный анализ статистических данных опросов, так и многие данные, показывающие причинную обусловленность отмеченной доминанты массового сознания.

Стремление большинства населения к моральному, правовому и социальному порядку является защитной реакцией общества против хаотичности в государственном управлении, с одной стороны, и административного произвола чиновников – с другой. При таком состоянии государственной машины невозможно не только формирование гражданского общества, но и более-менее приемлемое соблюдение элементарных прав личности, гражданских, социальных и экономических прав. Население и организации не имеют возможности получать от органов государственной власти и муниципального управления необходимые государственные услуги, вынуждены приспосабливаться к непредсказуемым действиям властей. Особенно острую отрицательную реакцию в обществе вызывают обременительные для кармана людей малопродуктивные и непонятные для основной массы населения реформы в социальной сфере.

Таблица 1

Доля населения, представляющего смысл и цели реформ

Реформы	% к числу опрошенных
Жилищно-коммунальная	22,2
Пенсионная	22,1
Образования	20,3
Военная	17,5
Судебно-правовая	14,1
Налоговая	13,7
Земельная	13,4

Говоря об установке россиян на наведение порядка в стране, следует обратить внимание на то, что в политической и научной пуб-

лицистике ее наличие нередко трактуется не как стремление к гарантированной безопасности и равенству всех перед законом, а как ментальная предрасположенность населения к авторитарному типу политического режима, как невосприимчивость ценностей демократии и проявление историко-культурной привычки к «сильной руке».

Для обоснования этой точки зрения используются аргументы в виде экскурсов в прошлое, а также социологические данные. Например, весьма известный и авторитетный социолог Ю.Левада пишет: «При всякой постановке перед общественным мнением дилеммы «демократия или порядок» порядок неизменно одерживал верх»[1]. Этот вывод иллюстрируется данными опроса ВЦИОМ, согласно которым в 1995 – 1998 гг. восемь из десяти респондентов согласились с вариантом ответа, что «прежде нужно добиться материального благополучия, а уже потом думать о демократии».

Но корректно ли ставить опрашиваемых перед альтернативой: чему отдать предпочтение – витальным ценностям жизни, личной безопасности и благосостоянию или, напротив, демократическим ценностям свободы слова и совести, гарантиям социальной справедливости и т. д.? Даже если постановка дилеммы связана с моделированием экспериментальной ситуации, едва ли полученное распределение ответов можно однозначно расценивать как преобладание в российском обществе психологии крепостных, выражающейся в его априорной готовности к ущемлению гражданских прав и свобод, к ограничению инакомыслия, творческой деятельности и тому подобному ради материального благополучия.

Во-первых, нет полной ясности, что имели в виду респонденты, выразившие свое отношение к демократии. О чем речь: о ее идеалах и ценностях или их весьма слабом отражении в нашей реальной действительности? Во-вторых, если говорить об отношении к ценностям демократии как таковым, а не экстремальной ситуации выбора, предложенного опрошенным, то, как обоснованно утверждает Н.И.Лапин, в современном российском обществе преобладает мнение об одинаковой важности демократии и безопасности. «Трудная задача состоит в том, – отмечает он, – чтобы реально **совместить** их, создать такую демократию, которая обеспечивает не только свободу, но и безопасность. А не разделять их в качестве альтернативы»[2]. Представляется, что такая интерпретация социологических данных

[1] *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993 – 2000. М., 2000. С. 182.

[2] *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 86.

о сочетании отношения к либеральным и витальным ценностям в массовом сознании более адекватна реальности.

Действительно, история сложилась так, что в прежние времена подавляющая часть российского населения не имела опыта жизни, в которой существовал бы симбиоз благосостояния и демократии. В настоящее время также нет их сосуществования, ибо в полноценном виде в нашей стране нет пока ни того, ни другого, что и отражается в массовом сознании.

В нем налицо дисгармония между субъективным восприятием ценности порядка и ценности демократии. Однако существующая рассогласованность вопреки диктату объективных обстоятельств жизни не приобрела форму их полного противопоставления в сознании. Об этом, в частности, говорят такие данные опроса населения: считают необходимым наведение порядка в стране, но без мер чрезвычайного положения 64,2% респондентов; считают необходимым наведение порядка, если даже нужно будет при этом ограничить свободы личности 30,9%; 4,9% затруднились ответить.

О настрое на развитие демократических прав и свобод (их некоторыми плодами люди уже активно пользуются) свидетельствует то, что 85,5% респондентов убеждены в необходимости обеспечения свободы слова и печати, 83,7% указали на важность участия граждан в принятии решений органов власти, 82% являются сторонниками проведения свободных регулярных выборов и т. д. Эти и многие другие данные позволяют утверждать, что в современном массовом сознании российского общества достаточно органично сочетаются идеалы и ценности социального порядка, правовой ответственности, рыночных преобразований, гражданских, политических и других свобод.

Вызывает сомнения и научная обоснованность утверждения по поводу тяги россиян к «сильной руке». Тот факт, что 90% опрашиваемых желают иметь во главе государства дееспособного лидера, вовсе не свидетельствует об их стремлении к сильной руке как самоцели. Скорее это желание представляет собой выражение надежд на наведение такого порядка в государстве и обществе, который благоприятен для реализации общенациональных, социально-групповых и личных интересов. Высокое общественное доверие М.Горбачеву первых лет перестройки, потом «молодому» Б.Ельцину выражало не ностальгию по «царю», а стремление общества к политическим свободам и экономическому процветанию, которые они до поры персонифицировали как лица, возглавляющие государство.

Состояние сознания, связанного с признанием «царя» в виде поводыря народа, в определенной мере характеризует распределение ответов на вопрос, какие черты характера присущи русскому народу. Из числа опрошенного населения веру в судьбу как черту харак-

тера назвали 68,8% респондентов, расчет «на авось» – 68,1%, веру в народ – 56%. Что касается веры в «царя», то ее отметили 37,7% опрошенных – не мало, но и не большинство.

Оценивая процессы трансформации моральной системы российского общества, следует обратить внимание на то, что в ней сегодня обозначились две тенденции: обновление компонентов нормативно-ценностной структуры и заметное упрочение значимости ранее существовавших нравственных ценностей. Возможно, в отдаленной перспективе это выразится в становлении новой моральной системы, в преодолении несоответствия между моралью советского периода нашего развития (в которой много было прогрессивного, но существовала и «двойная мораль») и постсоветскими общественными отношениями.

Существенный интерес в этом плане представляют социологические данные, показывающие, как изменяются ценностные оценки условий достижения индивидами социального благополучия. Обратимся к результатам двух в некоторой мере сопоставимых опросов. Один из них проведен коллективом социологов (А.И.Афанасьева, Ж.Т.Тощенко и др.) в 1987 г., другой – Социологическим центром РАГС в декабре 2003 г., через 16 лет. Респондентам предлагалось определить, какие признаки социального ранжирования и деления людей на страты влияют на социальное положение и престиж человека. Выделим в данном случае только те взаимосвязанные признаки, которые традиционно используются в теории социальной стратификации, в том числе одним из ее родоначальников Т.Парсонсом[1].

Таблица 2

Ценностные оценки возможностей обеспечения социального положения и престижа человека в обществе

(в % к числу опрошенных)

Признаки обеспечения социального положения и престижа	1987 г.	2003 г.
Владение материальными или другими ценностями	35,8	45,6
Связи с полезными людьми, блат (в опросе 1987 г.)	24,1	—
Доступ к рычагам власти (в опросе 2003 г.)	—	38,1
Социальное положение семьи, родственные связи	24,4	23,6
Личные достижения в образовании, профессиональной деятельности и др.	29,0	23,2
Авторитет, определяемый служебным положением	нет данных	21,2
Личные качества (привлекательность, ум, сила и др.)	58,5	16,0

[1] См.: *Парсонс Т.* О структуре социального действия. Изд. 2-е. М., 2002. С. 362 – 364.

Как видим, изменения в социально-экономических и политических отношениях, появление восходящего общественного слоя бизнесменов обусловили заметные подвижки в совокупности ценностных оценок тех факторов, которые влияют на социальное положение и престиж человека.

Подчеркнем, что выделенные признаки взаимосвязаны. Тем не менее в прежние времена приоритет среди них отдавался личным качествам индивида, в том числе трудолюбию (отмечали 65% респондентов), чувству долга, ответственности (56,5%). В настоящее время на передний план в социальном ранжировании выдвинулись факторы владения и доступа к власти. Причем в российской действительности обладание властью – это не только возможность обеспечить влияние в обществе и получить общественное признание, но и нередко возможность увеличить доходы.

Комментируя данные таблицы 2, следует отметить, что уменьшение доли ценностных оценок фактора личных достижений (в образовании, уровне квалификации и др.), вероятнее всего, обусловлено рассогласованием между этим признаком социального ранжирования и другим не менее важным – уровнем доходов людей. Это рассогласование отметили 60,2% респондентов, в том числе подавляющее большинство из категории высококвалифицированных специалистов, гуманитарных и технических профессий. Но со временем, надо надеяться, отмеченное рассогласование будет преодолено.

Не меньший научный и практический интерес представляют координаты оценок ***социальной справедливости***, которые, с точки зрения морали, предстают как осознание людьми общественно необходимого типа отношений. Основная масса опрошенных (до 80%) считает, что социальная справедливость в обществе должна выражаться в таких принципах, как наличие равных шансов на образование и медицинское обслуживание, обеспечение соответствия доходов выполняемой (или ранее выполненной) работе. В рамках этих координат такое же количество опрошенных отмечают недостаточную реализацию этих принципов социальной справедливости в российском обществе в целом и лично применительно к себе.

Можно ли судить о такой позиции как о проявлении социальной ориентации на патернализм со стороны государства или даже как о выражении иждивенчества? Безусловно, многие люди хранят в памяти как норму возможности получения образования, медицинских и других социальных услуг, которые предоставлялись им в советский период нашего развития. Хотя эти услуги назывались бесплатными, ясно, что их отрабатывали сами люди. А массовое несогласие с тем, что российское общество в настоящее время оказалось отброшен-

ным далеко назад в сравнении с цивилизованными странами в реализации обсуждаемых принципов социальной справедливости, вполне соответствует моральным нормам.

В ракурсе обсуждаемой проблемы примечательны такие факты. По данным опроса населения в 2003 г., 62,1% респондентов выразили мнение, что люди, имеющие силы, должны сами заботиться о своем благополучии и меньше рассчитывать на социальную помощь государства; 36,8% заявили, что необходимы достаточно большие различия в доходах людей, иначе пропадают стимулы для личных достижений. Эти данные свидетельствуют о том, что люди постепенно привыкают к экономическому неравенству. Но подчеркнем, речь идет о неравенстве, связанном с различиями способностей, а не с незаконным присвоением собственности.

Любое изменение моральных норм и ценностей происходит на основе моральной системы, которая регулировала взаимоотношения в обществе многие десятилетия или столетия. И даже если устоявшиеся прежде нормы формально отвергаются, они латентно продолжают функционировать. Так, в настоящее время колхозы и подобные им хозяйства сохранились в рудиментарном состоянии. Практически выродились прежние общественные организации, обеспечивавшие участие населения в коллективных формах самоуправлении. В бизнесе, а также в средствах массовой информации культивируется индивидуализм. Тем не менее 48,2% опрошенного населения считают коллективизм одной из ведущих норм регулирования взаимоотношений в обществе, 71% считают нравственной ценностью быть нужными и полезными обществу.

Как показывают данные опросов, в ценностной структуре массового сознания идеалы социализма занимают достаточно видное место.

Таблица 3

Отношение населения к перспективе развития российского общества

(в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Полностью и скорее согласны	Скорее не согласны и полностью против	Не ответили
Следовало бы развивать новые подходы к социалистическому обществу	58,4	40,9	0,7
Капиталистическая рыночная экономика является подходящим для России обществом	40,7	58,8	0,5
Должно продолжаться, как до сих пор	30,6	68,9	0,5

Большинство населения не отвергает социализм. Но к данным таблицы следует добавить следующее:

сохранение статус-кво нашло поддержку среди 50% опрошенных предпринимателей;

– наибольшее количество сторонников социализма среди крестьян (68% респондентов) и рабочих (58%);

– за развитие капиталистической рыночной экономики отдали голоса 65,5% представителей малого и 75% представителей среднего бизнеса.

Последние данные отражают социально-классовый аспект дифференциации нормативно-ценностных ориентаций.

Любопытна и такая латентная связь, обнаруженная с помощью семантического дифференциала и кластерного анализа данных опроса. Капитализм в сознании многих людей ассоциируется с диктатурой и национализмом, социализм – с демократией. Ценностной ориентации на социализм соответствует преобладание отрицательного отношения к продаже сельскохозяйственных земель в частную собственность (особенно иностранцам), предпочтение получать небольшой, но постоянный заработок и быть уверенным в завтрашнем дне и т. п. Среди сторонников социализма большинство опрошенных высказалось за развитие рыночной экономики, которая в их сознании не является антиподом социализму.

Изложенные материалы подтверждают реальную возможность достижения в российском обществе ценностного согласия на основе некоторого оптимума нравственных, социальных, политических и других ценностей, которые разделяются основной массой населения. Речь идет не о новом наивном варианте претворения в жизнь идей «общественного договора», а о заботе государства в практической реализации конституционных прав граждан (и одновременно универсальных ценностей) на жизнь, труд, охрану здоровья, личную безопасность, благосостояние, образование, собственность, свободу слова и совести и др.